

ТЕНИ НА СТЕНАХ

Андрей Зарубин

18+

Андрей Зарубин

Тени на стенах

«Автор»

2026

Зарубин А.

Тени на стенах / А. Зарубин — «Автор», 2026

Пары слов достаточно, чтобы призрак перешагнул порог. Одного взгляда в тёмное окно — чтобы тень обрела плоть. В этом сборнике — двадцать три истории о том, что скрывается за привычным миром: в заброшенных домах, старых зеркалах, полузабытых ритуалах и тихих шёпотах ночного города. Здесь страх не кричит — он подкрадывается. Ждёт, пока вы останетесь одни. Пока выключите свет. Пока поверите, что это всего лишь совпадение. «Тени на стенах» — это атмосферная мистика и леденящий хоррор, где каждый рассказ становится ловушкой для воображения. Классические мотивы переплетаются с современными кошмарами, а граница между реальностью и потусторонним стирается с каждой новой страницей. Откройте книгу, если готовы взглянуть в темноту. Но помните: некоторые тени не отпускают тех, кто их заметил.

© Зарубин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. ВОЙ	5
2. ДВОЙНИК	7
3. АВТОСТОП	11
4. ДАР	14
5. ЗАМОК КРОНВАЛЬ	18
6. ЖРЕЦ	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Андрей Зарубин

Тени на стенах

1. ВОЙ

Был обычный вечер. Я сидел на скамейке в городском парке, глядя, как солнце садится за горизонт, окрашивая небо в багровые тона. Мысли были далеко, пока тень не упала на мои колени.

Передо мной стоял мужчина. Выглядел он представительно, но в его позе читалась такая усталость, словно он нёс на плечах невидимый груз.

— Можно присесть? — голос его был тихим, почти хриплым.

— Пожалуйста, — кивнул я, не особо желая беседы. Настроение было паршивым.

Незнакомец сел, тяжело вздохнул и посмотрел на закат.

— Красивый, правда? Красный, словно кровь... — он помолчал, потом повернулся ко мне. — Простите, я не представился. Меня зовут Джонатан.

— Рад знакомству, — буркнул я. — А что привело вас ко мне?

Он усмехнулся, но в усмешке не было веселья.

— Я слышал, вы пишете о странных историях? О вещах, которым нет объяснения?

— Допустим.

— Тогда выслушайте меня. Это случилось полтора года назад. В такой же вечер. С таким же закатом.

Он замолк, словно собираясь с силами.

— Я сидел на этой самой скамейке. Собирался уходить, когда увидел её. Девушку с огромным псом — ньюфаундлендом. Чёрным, как ночь. Я подошёл, хотел спросить дорогу или просто заговорить... Она не отшатнулась. Улыбнулась.

Джонатан достал из кармана мятую фотографию, но тут же убрал её обратно.

— Её звали Джессика. А пса — Оскар.

— «Оскар обычно рычит на чужих», — сказала она тогда, поглаживая мохнатую голову зверя. — «А к вам сразу потянулся. Значит, вы хороший человек».

Я рассмеялся, почесав пса за ухом. Тот ответно лизнул мне ладонь.

— В таком случае, — рискнул я, — вы не откажете проводить вас до дома?

Она кивнула. Так мы и познакомились.

Всё закрутилось стремительно. Прогулки в парке, ужины в кафе, долгие разговоры до утра. Она жила одна, работала в библиотеке, мечтала о доме с садом. А Оскар... Оскар стал моим лучшим другом раньше, чем я сам это понял. Этот огромный зверь ходил за мной по пятам, будто охранял.

Через полгода я понял: не представляю жизни без неё. Сделал предложение. Она плакала, смеялась и сказала «да».

День свадьбы должен был стать самым счастливым в моей жизни. Но с утра что-то пошло не так.

Мы уже одевались, когда Оскар начал вести себя странно. Он бегал из угла в угол, скулил, рвал когтями паркет. Когда Джессика в свадебном платье вышла из спальни, пёс подбежал к ней, сел и протяжно, надрывно завыл.

— Оскар, фу! — я попытался оттащить его. — Что с тобой, дружок?

Джессика рассмеялась, хотя в глазах мелькнуло беспокойство.

— Может, нервничает? Как мы все.

— Наверное, — я погладил его по холке. — Успокойся, брат. Мы скоро вернёмся.

Но он не успокоился. Когда мы вышли на улицу и сели в машину, из окна нашей квартиры донёсся леденящий душу вой. Словно он прощался. Навсегда.

Мы поехали. В церкви нас ждали гости, священник, цветы. Но Оскар не отпустил нас. Я чувствовал это спиной.

Перед церковью было много машин, поэтому нам пришлось парковаться на противоположной стороне улицы. И идти до церкви пешком.

Джессика шла впереди, поправляя фату. Она так спешила, так сияла...

И тут я услышал визг тормозов.

Я обернулся. Из-за поворота, набирая скорость, вылетел грузовик. Водитель, кажется, уснул или потерял управление.

— Джессика! — крикнул я.

Она обернулась, но было поздно. Удар отбросил меня назад. Я упал, ударился головой о бордюр, и мир поплыл перед глазами.

Когда я пришёл в себя, вокруг уже кричали. Джессика лежала на асфальте. Белое платье стало красным.

Я пополз к ней. Она ещё дышала. Её глаза были открыты, но она не видела меня.

— Джон... — прошептала она. И всё.

В этот момент я услышал знакомый вой. Из переулка, сбивая людей, выскочил огромный чёрный пёс. Это был Оскар. Я до сих пор не могу понять, как он смог выбраться из квартиры и как оказался там, возле церкви. Оскар сел рядом с телом Джессики и снова завыл. В его вое не было угрозы или злости. Только безграничная, раздирающая тоска.

Пёс умер через два дня после Джессики, от горя, наверное.

Джонатан замолчал. В парке стало тихо. Даже птицы перестали петь.

— Я продал квартиру, — тихо продолжил он. — Перебрался в другой район. Не мог смотреть на эти стены. Оскар похоронен рядом с ней. Я каждый день хожу на их могилы.

Он встал, отряхнул пальто.

— Знаете, почему я рассказал вам это?

Я молчал.

— Потому что я устал жить с этим. С чувством, что я мог бы спасти её. Мне нужно было хоть кому-то об этом рассказать. Что я должен был послушать пса.

Он протянул мне руку. Ладонь была ледяной.

— Спасибо, что выслушали. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Джонатан.

Он ушёл, растворившись в сумерках.

На следующее утро, за кофе, я развернул газету. В разделе «Происшествия» была короткая заметка с фотографией того самого мужчины.

«Трагедия в центре города. Минувшей ночью неизвестный мужчина бросился под колёса грузовика на перекрёстке у Центрального парка. Личность погибшего устанавливается. Свидетели утверждают, что перед прыжком он долго разговаривал с кем-то на скамейке, а затем вдруг побежал под колёса...»

Я выронил чашку. Кофе разлился по столу, но я не обратил внимания.

В заметке было написано, что полиция нашла у погибшего старую, потёртую фотографию. На ней — счастливая пара и огромный чёрный пёс.

А на обороте, корявым почерком, было выведено:

«Я иду к вам. Ждите».

2. ДВОЙНИК

Моя работа и одновременно моя страсть — это странные и зачастую мистические истории. Работа журналиста нередко сталкивает меня с удивительными и порой безумными людьми. За многие годы своей деятельности я слышал сотни историй и видел десятки людей, которые искренне верили в то, что они мне рассказывали. Однако далеко не каждому из них я верил и принимал их истории за чистую монету. Но вот история человека, с которым я познакомился буквально пару дней назад, подтолкнула меня к написанию этого рассказа.

Моего знакомого звали Марк Вингер. Познакомился я с ним за два дня до его самоубийства. Свой рассказ я начну от его имени:

«Для более ясной картины происходящего я хочу сделать небольшое отступление о своей семье, точнее, о старшем брате. Его звали Лукас, он был старше меня на два года и настоящим отморожком. Служба во Вьетнаме окончательно превратила его в преступника. Но при всём при этом он был моим братом и всегда старался меня защитить. Я же с самого детства хотел быть его противоположностью: я был вежлив, ходил по воскресеньям в церковь, старался хорошо учиться. Брат называл меня задротом, но беззлобно, скорее жалел. Иногда, очень редко, в глубине души я завидовал тому, какой он смелый и прямолинейный с людьми, но, с другой стороны, не одобрял его торговлю наркотиками, мелкие кражи и пьяные потасовки в барах. В конечном итоге это и привело его к печальному концу в тюрьме. Так вот, теперь, когда я рассказал о своём прошлом, я бы хотел перейти к сути моей истории.

Год назад меня сбила машина. Я переходил дорогу, уронил зонтик, а когда наклонился его поднять, то не успел отскочить в сторону от несущегося на меня грузовика. После удара я потерял сознание и очнулся только в больнице, после того как два дня пролежал в реанимации с черепно-мозговой травмой.

В больнице я провёл пять месяцев. Как мне потом рассказывали медсёстры, врачи собрали мою голову буквально, как разбитую вазу. Они считали чудом, что я вообще выжил и пришёл в сознание. Потом мне прописали какие-то таблетки и выписали домой.

Первые несколько недель у меня болела голова. На мой вопрос: "Отчего это?" доктора отвечали: "Это обычное явление при травмах такого рода. Через несколько дней пройдёт".

Голова постепенно стала проходить, но ощущение чего-то тревожного, какой-то постоянный шум где-то на границе сознания не прекращалось. Я постепенно стал возвращаться к своей обычной жизни: пошёл на работу, стал встречаться с друзьями. В голове всё ещё слегка шумело, но я старался не обращать на это внимания и пил таблетки, хотя иногда шум напоминал тихий неразборчивый шёпот.

— Да нет, просто в голове шумит, — успокаивал я себя.

Однако со временем этот шум стал превращаться в едва различимый, невнятный шёпот. Так было день за днём. Иногда шёпот исчезал на какое-то время, потом снова возвращался. Бывали дни, когда помимо шёпота я словно краем глаза замечал в зеркале чей-то едва различимый силуэт, словно тень. Он появлялся в минуты, когда приступы головной боли усиливались или я был чем-то взволнован. Вместе со всем этим окружающие стали замечать во мне и другие изменения. Иногда я ловил на себе их встревоженные взгляды и слышал перешёптывания коллег по работе. Меня это раздражало. Их сочувствующие взгляды будили внутри меня доселе неведомые мне чувства: гнев, желание наорать на них. Так продолжалось месяцами, пока однажды ночью в моей голове не зазвучал голос.

— Вставай! — сказал он мне.

— Кто здесь?! — спросил я, подскакивая, как ошпаренный. Рядом с кроватью у меня всегда лежала бейсбольная бита, это было первое, за что я схватился, готовясь отразить напа-

дение неизвестных или неизвестного, проникшего в мою квартиру. В ответ на мои действия послышался спокойный, почти бархатный смех.

— Ты мне ничего не сделаешь, Марк. Убери биту.

— Ещё как сделаю! — крикнул я, храбрясь. — Покажись!

— Неужели ты ударишь самого себя? — И тут на столе щёлкнула настольная лампа, и я увидел себя, сидящего в кресле! Сходство было так велико, что я в первые минуты не обратил внимания на отличительные детали. Вы даже не можете представить себе моего смятения. Жить всю жизнь и не знать, что у тебя есть двойник, а потом в один прекрасный день повстречаться с ним, да ещё при таких обстоятельствах!

Но потом я разглядел, что мой двойник похож на меня только лицом. Его внешний вид отличался от моего, как день от ночи. В его движениях не было суеты, только ленивая, хищная грация. Одежда двойника тоже была вызовом общественному мнению: рваная кожаная куртка, грязные джинсы с дырами на коленях, волосы, окрашенные в синий и зелёный.

Я стоял и смотрел на этого панка с отвисшей челюстью и широко открытыми глазами. Рука бессильно повисла и выронила потяжелевшую биту. Сам я медленно и почти бессознательно опустился на кровать, потому что ноги мои стали словно ватные.

Двойник смотрел на меня не с насмешкой, а с каким-то странным, оценивающим интересом. Моя слабость была ему отвратительна, но он лишь покачал головой.

— Этого не может быть, у меня галлюцинации, — пробормотал я тихо.

Двойник медленно поднялся, поправляя воротник куртки, и шагнул ближе. Его голос стал вкрадчивым, обволакивающим.

— Успокойся, Марк. Ты не сходишь с ума, и я не глюк.

— Кто же ты? — спросил я с трудом, шевеля непослушными губами.

— Я — тот, кого ты прятал в подвале своей души тридцать девять лет, — ответил двойник деловито, но с лёгкой усмешкой. — Твоя теневая сторона. Да-да, не удивляйся. Ты всю жизнь строил клетку из правил, из церкви, из желания быть «хорошим мальчиком». Лукас был грубым, да... но у него была сила. А у тебя? У тебя есть только страх и эта проклятая вежливость. Тьфу! Даже от мысли о том, сколько ты себя ограничивал, воротит!

Двойник лениво сплюнул на ковёр и снова обратился ко мне, глядя прямо в глаза.

— Ты думал, что просто подавил меня? Нет, я жил и развивался в тени. Ведь каждый раз, когда тебя подрезают на дороге, когда тебя штрафуют на стоянке, когда эта старая карга в магазине смотрит на тебя, как на прислугу... ты хочешь выругаться, дать кому-нибудь по роже? Ведь я прав, не так ли? Я просто озвучиваю то, что ты тщательно глотаешь.

Двойник смотрел на меня внимательными, цепкими глазами. И он усмехался, потому что знал, что он прав.

— И как же ты смог выбраться наружу? — спросил я помертвевшим голосом.

— Ты думаешь, что авария меня создала? О нет. Она просто сломала решётку, — он кивнул в сторону окна, будто вспоминая тот день. — Помнишь, как год назад этот "бычок" приложил тебя бампером? Ты думал, что врачи спасли тебя. А они просто разбили клетку. Трещина пошла, и я занял своё законное место. Теперь мы всегда будем вместе. Никаких больше таблеток, никаких больше «хороших мальчиков».

— Нет! — выкрикнул я, схватил с пола биту и хотел было ударить издевающегося надо мной двойника, но он достал из кармана нож, и я отступил. Двойник провёл остро отточенным лезвием себе по запястью, и я вскрикнул от боли.

— Ай! — На том же самом месте, где двойник провёл себе по руке ножом, у меня появилась красная полоса и выступила кровь.

— Ну что, убедился? — спросил двойник, убирая нож. — Мы единое целое, и всё, что происходит со мной, будет отражаться на тебе. Так что убирай биту, а то поранишься! — Он засмеялся, но в смехе не было злобы, было торжество.

— Нет! — простонал я обречённо и сел обратно на кровать.

— Да перестань ныть, — одёрнул меня двойник, но голос его звучал почти соблазнительно. — Мы будем великолепно проводить время. Разве плохо наконец-то жить, а не существовать? Ты увидишь жизнь, о которой только мог мечтать, пока прятался под одеялом и запирали дверь квартиры! Бери всё, что нравится. Не нравится кто-то — просто оттолкни. Разве это не свобода?

— Я мечтаю, чтобы ты убрался отсюда! — выкрикнул я, зажимая уши руками, чтобы не слышать слов двойника.

— Ну уж нет, теперь ты от меня не избавишься! — Двойник встал и подошёл ко мне. Наклонившись, он прокричал мне в ухо: — Мы вместе и навсегда, друг мой! Навсегда!

Я оттолкнул его и лёг на кровать.

— Уйди! — крикнул я в ярости. — Исчезни из моей квартиры и моей жизни!

Двойник захохотал.

— Ладно, я уйду.

Он исчез.

Я натянул одеяло на голову и попытался забыть всё произошедшее, как страшный сон. Для верности я принял снотворное.

Утром я проснулся больным человеком. У меня болело всё, начиная от головы и заканчивая пальцами ног. Я с удивлением обнаружил, что у меня похмелье!

Мой двойник к моменту моего пробуждения уже сидел в кресле и потирал виски. Проходя мимо него, я почувствовал сильный запах спиртного.

— Ты что, пьян?

— Да, мамочка, — ответил он с издёвкой. — И не ори так, у меня болит голова, — поморщился двойник.

— Чтоб ты сдох, — бросил я и пошёл в ванную.

— Не забывай: мы одно целое, — бросил мне вдогонку двойник. — Хочешь, я открою тебе небольшой секрет? Сейчас я не более чем видение в твоей голове, но это ненадолго, — сказал двойник многозначительно.

Я отложил зубную щётку и посмотрел в зеркало: в нём отражалась часть спальни и кресло, в котором никого не было, но я чётко ощущал присутствие своего двойника. Его глаза смотрели на меня из зеркала.

— Что это значит? — спросил я обеспокоенно.

Двойник только засмеялся и послал меня. Оскорблённый, я закончил собираться и пошёл на работу. Работаю я в небольшом магазине у дома.

День прошёл как в тумане: я отпускал товары, отвечал на вопросы покупателей, но вспомнить, что я отвечал, я не мог. Ближе к концу смены в магазин вошла пожилая полная женщина. Она долго разглядывала товары на полках, потом подошла к прилавку с небольшой корзинкой, доверху набитой продуктами.

— Молодой человек, — спросила она меня кудахтающим голосом, от которого меня покорило. — А скажите, пожалуйста, эти консервы свежие?

— Она смотрит на тебя, как на прислугу, — прошипел голос в голове, холодный и чёткий. — Она думает, что ты обязан ей улыбаться. Посмотри на её руки. Она презирает тебя.

— Да, мэм, — ответил я холодно, но вежливо.

— А помидоры тоже свежие?

— Привезли утром, — уже начиная сердиться.

— Хватит, Марк! — Голос стал громче, напористее, заполняя черепную коробку. — Скажи ей правду. Скажи, что она старая колоша, которой плевать на других. Сделай это. Почувствуй власть.

— А зелень?

И тут я слетел с катушек. Эти обычные вопросы взбесили меня, хотя я отвечаю на них почти каждый день. Но сегодня мои нервы были на пределе, а шёпот в голове стал невыносимым.

— Да, старая колоша! — заорал я на старуху, у которой глаза стали похожи на два четвертака. — В этом магазине всё свежее, кроме тебя! — И рассмеялся грубым смехом, чувствуя, как внутри меня что-то щёлкнуло и встало на свои места.

Я пошёл дальше, а старуха осталась стоять с раскрытым, беззубым ртом.

Войдя в квартиру, я совершенно не помнил о том, что со мной произошло днём.

Двойник был дома, сидел на диване и смотрел на меня с каким-то злорадством в глазах.

— Ну как прошёл день? — спросил он, расплываясь в улыбке.

Тут я вспомнил всё, но сознание отказывалось это воспринимать. Я хотел было возмутиться, но вдруг всё мне стало безразлично. Двойник всё больше расплывался в улыбке, выражающей торжество и облегчение. А я всё больше становился похож на него.

— А чёрт с ним со всем! — вскричал я развязно. — Сегодняшняя ночь будет ночью веселья и свободы!

— Вот это по-нашему! — воскликнул двойник, вскакивая с дивана. — Пойдём со мной, я знаю пару местечек, где можно оттянуться!

О событиях той ночи я мало что помню, но проснулся я утром в своей постели с ощущением, будто меня снова переехал грузовик. Болело всё тело, лицо и особенно руки. Добравшись до ванной и заглянув в зеркало, я отшатнулся от увиденного: синяк под глазом, рассечённая и опухшая губа. Глядя на свои руки с разбитыми костяшками и содранной кожей, я с ужасом стал осознавать, что ночью произошло что-то из ряда вон выходящее, нечто совершенно не свойственное мне ранее.

Двойник лежал на диване, раскинув руку и запрокинув голову. Я обратил внимание на то, что он стал каким-то полупрозрачным. И тут до меня дошёл смысл сказанного накануне двойником. Он становился мной! Он выдавливал моё доброе "Я" и пытался его заменить собой, полностью подчинив себе моё сознание! Этого нельзя допустить. Если это случится, то в мир попадёт настоящее чудовище, аморальное, опасное для общества, ни в грош не ставящее человеческую жизнь.

— Нет! Этого не будет!» — твёрдо решил я и стал строить план, как покончить с этим безумием. Мои мысли не укрылись от внимания двойника в моей голове.

— Эй, тупица, ты чего такое удумал? — вскричал он, когда я наконец решился на отчаянный шаг.

— Не смей!!! — кричал он в бессильной злобе.

— Ты что забыл, что мы одно целое?! Убьёшь меня — умрёшь сам! Подумай о том, что я тебе дал! Я дал тебе свободу жить так, как ты бы хотел.

— Он сделал паузу и добавил: — Жить, как Лукас...

Но его злоба и ярость только больше убедили меня в правильности моего решения. На этом его повествование прерывается, и о дальнейшей судьбе Марка я узнал уже из некролога в воскресной газете: «Марк Вингер трагически скончался в возрасте 39 лет в субботу 30 января. Его тело было обнаружено недалеко от берега в бухте. Покойся в мире и да простит Господь твою грешную душу». На следующий день после похорон я пообщался с врачами, лечившими Марка после аварии. Они рассказали мне, что при такого рода черепно-мозговых травмах не исключены случаи непоправимых изменений личности, сопровождающихся тяжёлыми галлюцинациями. Я стоял на мосту, под которым обнаружили тело Марка, и мысленно представил его путь по тихим вечерним улицам: как он шёл, полный решимости и переполненный внутренним противоречием и страхом. Как прохладный порывистый ветер из бухты дул ему в лицо, когда он стоял на парапете моста, и как холодная вода приближалась к нему всё быстрее...

3. АВТОСТОП

Это произошло со мной в августе 1989 года. Мне было 18, я только закончил старшую школу и, как и большинство моих сверстников, думал о поступлении в колледж. Но перед этим мне хотелось развеяться, посмотреть на страну. Поэтому я решил повременить с поступлением на год и путешествовал автостопом от Западного побережья к Восточному — мне хотелось увидеть Атлантический океан.

Хоть с тех пор прошло уже больше 30 лет, я помню те события так, будто они случились вчера. К моменту событий, о которых я хочу вам поведать, я уже пересек Неваду, Юту и Вайоминг и двигался по сельской местности Небраски. В то время путешествие автостопом было тем ещё приключением. Кое-где оно было даже незаконным, но молодость и жажда приключений гнали меня вперёд, несмотря ни на что. Я старался держаться оживлённых шоссе и избегал подозрительных типов, которых в то время было хоть отбавляй на дорогах. Я часто видел выпуски новостей, сидя в закусточных или на заправке, в которых рассказывали об исчезнувших в какой-нибудь глуши автостопщиках.

В то время ещё не было сотовых телефонов и навигаторов, только старая потрёпанная дорожная карта, в которой я красным карандашом отметил свой маршрут. Поэтому риск потеряться был велик, но мне везло. Согласно этой карте, я был примерно в 10 милях от города Беатрис.

На дворе был вечер. Меня только что подвёз местный фермер по пути на свою ферму и высадил на повороте на просёлочную дорогу. Было довольно прохладно, вечер выдался на редкость промозглым. Я медленно брёл по обочине, чтобы хоть немного согреться. За прошедшие полчаса я не встретил ни одной машины, следующей в нужном мне направлении. Я был голоден, устал и мечтал только о каком-нибудь мотеле.

Пройдя растущие на повороте кусты, я увидел человека в коричневой кожаной куртке, синих джинсах и с висящим на плече большим вещмешком. У него были длинные волосы, и на вид ему было лет 20–25. Человек стоял метрах в пяти от меня и тоже «голосовал». Он делал вид, что в упор меня не видит, либо действительно меня не видел.

Мне стало интересно узнать, как давно он тут стоит, ведь последней машиной, шедшей в эту сторону, была та, на которой приехал я сам. Я подошёл ближе и разглядел на его руке плетённый браслет, сразу напомнивший мне фото моего отца времен его хипповской молодости — у него были такие же феньки. На его торбе были приколоты значки с эмблемой группы Grateful Dead и пацификом. Я отметил, что выглядит это несколько инородно в наше время, но, с другой стороны, каждый имеет право на свои взгляды.

— Эй! Привет! — окликнул я его. — Давно стоишь?

Парень как бы нехотя повернул голову в мою сторону и вернулся к прерванному занятию: созерцанию пустого шоссе. Его пренебрежение задело меня, и я решил, что пусть этот пижон идёт к чёрту.

Следующие десять минут прошли в полном молчании, сопровождаемом клацаньем моих зубов. Становилось всё холоднее. Я подышал на озябшие руки и посмотрел вперёд. В ночной мгле появились две светящиеся точки, я воспрял духом — ехала какая-то машина. Свет фар ударил мне в глаза, по шоссе, рыча мотором, тащился большой тяжеловоз. Я поднял руку, мой сосед сделал то же самое. Сквозь лобовое стекло в освещённой кабине я видел лицо дальнобойщика. Он хотел было остановиться, но почему-то передумал и проехал, обдав меня облаком пыли.

Я выругался в адрес водителя, мой сосед напротив не проявлял никаких эмоций, а лишь бесстрастно смотрел вслед громяющему грузовику. Откашливаясь, я повернулся спиной к удаляющемуся грузовику, чтобы пыль не летела в глаза.

— Козлина! — крикнул я уже исчезнувшему из вида дальнобойщику. Я уже хотел было спросить у своего товарища по несчастью, что он думает о таких козлинах, однако его нигде не было! Я огляделся вокруг. Было сумрачно, свет луны пробивался сквозь тучи, но, чтобы увидеть парня, стоящего в паре метров от тебя, этого бы хватило. Я обернулся вокруг своей оси, заглянул за кусты, но его не было. Он словно растворился в воздухе. Тут мне стало не по себе, и я припустил по обочине в сторону города. Бежал я так минут двадцать, пока не услышал за спиной звук мотора и шорох покрышек по асфальту. Свет фар залил меня со спины, отбросив мою длинную тень на дорогу. Я обернулся и стал махать рукой, призывая водителя остановиться.

Старенький «Форд» пикап 50-х годов выпуска не спеша остановился метрах в десяти от меня выше по дороге. Я поспешил к нему и на противоположной стороне дороги снова заметил того странного парня в кожаной куртке и вещмешком за спиной. Он равнодушно стоял у дерева и смотрел на остановившуюся машину, но даже не предпринимал попытки к ней подойти. Я опасно пробежал мимо и запрыгнул на переднее сиденье.

За рулём машины сидел старик, под стать своему пикапу. «Мог бы стать участником группы ZZ Top», — отметил я про себя. Он был седой, почти лысый, но с густой серебристой бородой до пояса. Выглядел он вполне доброжелательно.

— Спасибо, что остановились, сэр, — поблагодарил я.

Старик хмыкнул и ответил слегка дребезжащим голосом:

— Господь велел помогать ближним, и я, как прилежный христианин, следую Его заветам. Меня Джо звать, а тебя как, сынок?

— Рон, — ответил я, окончательно расслабившись и приобняв сумку, стоящую на коленях. — Я уже часа два здесь нахожусь, и вы второй человек, проехавший по этой дороге.

Джо кивнул, не отрывая взгляда от дороги.

— Знамо дело, ночь-то на дворе, да и времена нынешние беспокойные. Многие сейчас попутчиков боятся брать. Вон, шурин мой позапрошлом году подобрал девку с парнем, так они его по голове огрели, бумажник забрали и машину угнали. Машину-то потом в Канзасе нашли, на обочине с пустым баком стояла, а этих паршивцев не нашли. Слава богу, шурин хоть живой остался.

Он замолчал, и минут десять мы ехали молча.

— Куда направляешься, Рон? — спросил Джо и глянул на меня мельком.

— На Восток, — ответил я. — Хочу перед колледжем побывать на берегу Атлантики.

Джо одобрительно кивнул.

— Хорошее дело, молодое. Я как из Кореи вернулся, на товарных поездах всю страну объездил. Но то совсем другое время было, люди другие, никто зла не помышлял. Я направляюсь в Беатрис, если тебе по пути, то довезу до центра, там есть где заночевать и пообедать. Городишко-то не большой, но славный, и люди там живут добрые. — Джо улыбнулся в седую бороду; он явно любил этот городок.

— Это просто супер! — воскликнул я, обрадованный тем, что мне не придётся снова мёрзнуть на обочине в ожидании попутки. По крайней мере на ближайшие пару дней. — Я как раз и собирался сделать там небольшую остановку, передохнуть перед дальнейшим путешествием. Спасибо вам огромное. Пока мы ехали, из моей головы не выходили мысли о странном парне на обочине. И хоть и опасаясь показаться психом, я все же решился заговорить об этом.

Джо, слушая мою историю, крепче сжимал руль и хмурил кустистые брови. Когда я закончил, он молча смотрел вперёд, на серую ленту асфальта, убегающую под колёса. Потом он сказал:

— Знаешь, сынок, я-то давно на свете живу, всякое повидал. В Корее... да, многое. Так вот я к чему это, собственно... Году, кажется, в 69-м это произошло, точно уже и не помню. Тогда ещё фестиваль этот музыкальный был, как там его?

— Вудсток? — предположил я.

— Во-во, в самую точку! Тогда много народу через эту дорогу ехало, прям протолкнуться негде было. Да и спешили многие. Парнишка этот, о котором ты говоришь, он из этих хиппи-волосатиков был. Он и ещё несколько таких же «детей цветов» на фестиваль этот так же, как и ты, автостопом добирались. Как-то ночью ливень был, дороги и на пять метров вперёд видно не было. Они стояли на обочине, «голосовали», и тут на них налетел грузовик — водитель с управлением не справился. Трое отделались лёгким испугом и синяками, а вот этого грузовик ещё метров десять под колёсами протащил по асфальту. Жаль парнишку, молодой совсем был...

Джо замолчал, будто погрузившись в воспоминания. У меня же перед глазами встала эта картина: несущийся грузовик, размытый дождём свет фар и последующая кровавая трагедия. Меня передёрнуло.

Джо вздохнул и продолжил:

— Копы минут через тридцать приехали, скорая уже была не нужна. Водителя потом судили за убийство по неосторожности, но парня-то уже не вернуть было. И вот с тех пор... — Джо понизил голос до взволнованного шёпота: — Время от времени, примерно раз в пару лет, люди, едущие по этому участку дороги, видят того хиппи. Он продолжает «голосовать», словно ничего и не произошло. Некоторые даже его подбирают, но это добром не заканчивается. Врать не стану, сам не видел, но слышал от богобоязненных людей, которые врать не станут, что с теми, кто его подбирает, потом несчастья случаются. Несколько раз здесь находили машины, врезавшиеся в дерево или перевёрнутые в кювете. Некоторым, правда, везло: когда его сажали в машину, он просто растворялся в воздухе метров через сто.

Я сидел молча, переваривая услышанное. Стало быть, я видел призрака? В моей голове такое не укладывалось. Но я-то видел его своими глазами! Несмотря на шок от услышанного, усталость брала своё, и я медленно засыпал. Уже почти уснув, я снова увидел знакомый силуэт в свете наших фар. Я молча толкнул Джо локтем и указал пальцем на призрака.

— Святой Боже! — прошептал Джо и прибавил газу.

Уже через несколько минут мы увидели вдаль огни небольшого городка. Пикап, шурша шинами, уверенно проезжал по ровным чистым улицам, мимо аккуратных домов за белыми изгородями, оставляя силуэт в свете фар словно кошмарный сон позади. Джо притормозил около небольшого двухэтажного здания с вывеской: «Гостиница Мэрридит».

— Ну вот, сынок, ты и на месте. Глэдис, хозяйка гостиницы, покажет тебе комнату и накормит завтраком. Передавай ей привет от меня, она поймёт. — Сказал Джо на прощание. — Береги себя.

Я вылез из пикапа, закинул сумку на плечо и уже собрался было тоже попрощаться, но всё же решил спросить:

— А тут где-нибудь есть библиотека?

— Да, через пару кварталов отсюда, возле городского суда.

Я поблагодарил его, попрощался и пошёл в гостиницу. Спал я в эту ночь особенно крепко, даже проспал завтрак. Утром, уже ближе к полудню, перехватив сэндвич, я помчался в библиотеку. Полистав около часа местные газеты за 69-й год, я наткнулся на статью о погибшем автостопщике:

«13 августа 1969 года на трассе недалеко от Беатрис был совершен наезд на пешехода. В результате аварии погиб молодой человек Кристофер Санчес. Как рассказали его друзья, бывшие с ним в тот момент и, к счастью, оставшиеся в живых, из-за плохой погоды и ограниченной видимости на них наехал грузовик, перевозивший скот на ближайшую скотобойню.»

Дальше читать я не стал, закрыл газету и просто сидел в кресле, размышляя о том, что для Кристофера Санчеса дорога на Вудсток так никогда и не закончится.

4. ДАР

Я снова проснулся в холодном поту. Такие ночи случаются всё чаще. Большинство людей закрывают глаза и погружаются в беззаботные грёзы. Кому-то снятся счастливые моменты, кому-то — абстракции, которые к утру бесследно исчезают. Мне повезло меньше. Гораздо меньше. Я вижу смерти. Почти каждую ночь.

Всё началось в детстве, лет в восемь. Мне приснилось, как под колёса машины попадает соседская собака. Утром я узнал, что она и правда погибла. Тогда я не придавал этому значения: детский мозг не задерживается на таком. После этого сны пропали на долгие годы, до второго курса колледжа. Однажды после вечеринки мне приснилось, как незнакомая девушка моет окно на десятом этаже. Она стоит на подоконнике, тянется к дальнему углу. Нога в домашнем тапке соскальзывает. Она судорожно пытается ухватиться за раму скользкими мокрыми руками, но пальцы не находят опоры, и она с воплем падает вниз. Проснувшись, я списал всё на кошмар. Пока в случайном выпуске новостей не увидел короткий репортаж с места трагедии. Тогда я вспомнил собаку из детства, и холодный ком подступил к горлу. Всё стало сходиться. Подобные видения начали повторяться раз в несколько дней: чья-то случайная гибель, а утром — подтверждение в ленте новостей или на полосах газет. Я понял, что обречён быть немым свидетелем. Я видел финалы, но не мог изменить ни строчки.

Так проходили годы. Порой мне казалось, что проклятие отступило. Я считал за благо те редкие ночи, когда сны не приходили. Я даже обращался к врачам, прошёл обследование у психиатра, но оно не выявило никаких серьёзных отклонений. Разве что лёгкую нервозность. А сны о смерти продолжали являться мне. Длинные вереницы жутких, бессвязных кадров. Иногда мне казалось, что мой мозг напрямую подключён к самому изошрённому сайту в даркнете. За эти годы я всё больше отдалялся от людей. Удалённая работа, не требующая присутствия в офисе, редкие визиты к родителям и сестре, которую я безумно любил, но даже ей не мог признаться в своём бремени. Я почти безвылазно сидел в квартире и молился — не Богу, а вселенной — чтобы она избавила меня от этого проклятия или хотя бы дала крошечный шанс контролировать эти чертовы сны.

И вот однажды я решил выбраться из этой затхлой клетки. Пошёл в ближайший бар. Просто хотел выпить, вернуться домой, рухнуть в постель и, может быть, наконец-то уснуть без видений. На улице была ночь. Ветер раздувал полы куртки, будто пытаясь загнать меня обратно в духоту квартиры. Я застегнул молнию и поплёлся на свет неоновой вывески. Внутри было шумно, всё пространство завлакивала сизая пелена сигаретного дыма. Возле стойки нашлось свободное место, и я устроился на высоком стуле. Бармен лениво кивал головой в такт музыке, льющейся из колонок, и методично протирал столешницу. Я заказал виски. Чистый. Залпом осушил бокал, поманил бармена за вторым.

И тут на пустующий стул слева от меня опустился человек странного вида. На нём был длинный серый плащ, подсвеченный неонами, и шляпа, скрывающая лицо в густой тени. Он бросил на меня быстрый взгляд и заказал водку. Голос прозвучал глухо, но, несмотря на громкую музыку, я расслышал каждое слово. Пригубив из стопки, он снова повернулся ко мне. — Тяжёлый день? — невзначай обронил незнакомец, покручивая стопку в пальцах. Погрузившись в свои мысли, слегка затуманенные алкоголем, я не сразу понял, что он обращается ко мне. Я лишь пожал плечами и молча указал бармену на пустой бокал. Незнакомец усмехнулся. Я не видел этого — только услышал. Он явно не собирался отступать.

Я опрокинул очередную порцию виски и покосился на него. Сколько бы я ни всматривался, лицо его оставалось скрытым под полями шляпы. — Можешь не отвечать, — кивнул странный тип и продолжил: — Вижу, дело не в дне, а в ночах... Беспокойные сны? Я оцепенел, сжимая бокал, и снова уставился на незнакомца. Он смотрел прямо на меня. В уголках его

губ играли тени, складываясь в саркастическую ухмылку. — Что ты можешь об этом знать? — хрипло спросил я. «Шляпник» — так я мысленно окрестил незнакомца — принялся выбивать пальцами по деревянной стойке какой-то атональный, сбивчивый ритм. — Я многое знаю, Рик. — Голос незнакомца стал протяжнее, обволакивающим. Я дёрнулся, услышав своё имя. — Откуда ты знаешь, как меня зовут? — спросил я, чувствуя, как хмель мгновенно испарился, уступив место холодку под лопатками. — То, откуда я знаю твоё имя, далеко не самое интересное. А вот твои сны... — это куда любопытнее. Не так ли? — Он сделал паузу, и голос его стал тягучим. — Ты ведь давно хочешь понять их природу. Почему именно ты их видишь? Я тебе отвечу: это дар. Дар Божий. Он произнёс эти слова так, будто само название оставляло на языке привкус пепла. Вокруг нас словно стусилась тишина. Музыка в баре не стихла, но перестала доноситься до моих ушей, будто кто-то невидимый накрыл нас стеклянным колпаком. Я вспомнил свои молитвы не Богу, а пустоте. И пустота ответила. Последнюю фразу он произнёс с таким едким, почти осязаемым сарказмом, что мне вдруг захотелось опрокинуть ещё один бокал.

— Но, как это часто бывает, дар этот — особенно когда о нём не просят — становится твоим проклятием, — продолжил он. — Ты всего лишь зритель. Ты видишь, но не можешь влиять. И это... прискорбно. Я слушал его голос — спокойный, бархатный, обволакивающий — и понимал: он озвучивает то, что годами крутится у меня в голове, не давая покоя ни днём, ни ночью. Я покачал головой, чувствуя, как внутри поднимается тяжёлая волна усталости. — Я не хочу быть участником, — тихо, но твёрдо сказал я. — Я хочу перестать всё это видеть. Хочу просто засыпать и видеть обычные сны. Ничего больше. Шляпник на мгновение замер. Потом из-под полей шляпы донёсся тихий, почти сочувственный смешок. — Обычные сны... — повторил он, будто пробуя слова на вкус. — Как мило. Как по-человечески. Но дар не работает, как выключатель, Рик. Его нельзя просто «выключить». — Тогда что мне делать? — почти закричал я. — Как мне дальше жить с этим проклятием? Незнакомец молча допил свою водку, медленно поставил стопку на стойку и только тогда ответил: — Ты действительно хочешь, чтобы сны о смертях незнакомцев исчезли? Я замер. Виски в желудке вдруг стало ледяным. — Да, — выдохнул я, и в этом слове прозвучала вся моя многолетняя усталость. — Пусть исчезнут. Мне всё равно, какой ценой. Я просто хочу спать. Шляпник медленно кивнул. Тень под полями шляпы дрогнула, и мне показалось, что он улыбнулся. — Что ж. — Шляпа качнулась в такт его кивку, и тень от полей на мгновение накрыла моё лицо. — Будь по сему. Твоя просьба будет исполнена.

Я опустил глаза, уставившись в пустое дно бокала, и жестом показал бармену, что пора бы его наполнить. Когда я снова поднял взгляд, слева от меня никого не было. Стул пустовал. Он ушёл так же внезапно, как и появился, не оставив даже следа на сиденье. Домой я добрался под самое утро и тут же рухнул в кровать. Спал я без сновидений. Совершенно. Следующая ночь прошла так же. И следующая. С того похода в бар прошло три недели. Три недели затишья. Я даже потихоньку начал верить, что жизнь наконец-то налаживается. Но злой рок нанёс свой удар именно тогда, когда я уже перестал его ждать.

Черноту, ставшую для меня спасительной нормой, вдруг прорезал яркий, пугающий образ. Мой старинный приятель из колледжа, Том Фрост, возвращался ночью из бара. Его тень скакала от фонаря к фонарю. Он шёл, лениво затягиваясь сигаретой, и в этот момент из чёрного зева переулка дорогу ему перекрыли двое. Резкий удар — и Том валится на асфальт. Ещё удар — и лезвие ножа со скрежетом входит ему в грудь. Лихорадочные пальцы грабителей шарят по карманам, пока Том хрипит и захлёбывается собственной кровью. Забрав бумажник и часы, нападавшие растворились во тьме. А Том замер, неестественно вывернув руку, на залитом красным асфальте. Я видел всё это с пугающей близостью, словно стоял рядом. Но моё тело окаменело. Я не мог пошевелиться. Не мог крикнуть. Не мог предупредить. Эмоциональный удар накрыл меня, тяжёлый, как кувалда по затылку.

Когда я открыл глаза, я лежал пластом, боясь пошевелиться ещё несколько долгих мгновений. В комнате было тихо, но в ушах стоял звон. Проклятые сны вернулись. И стали хуже. Гораздо хуже. Раньше это были незнакомцы. Случайные люди из новостных лент. Теперь — Том. Дрожащей рукой я нащупал на тумбочке телефон. Пальцы скользили по экрану, пока я не нашёл имя Тома. Нажал на вызов. В трубке потянулись длинные, тягучие гудки. Я слушал их, затаив дыхание, пока холодный автоматический голос не отсёк последнюю надежду: «Абонент не отвечает. перезвоните позже». Гудки стихли. Тишина в комнате стала оглушительной. Мысль, которую я отчаянно пытался отогнать, вдруг оформилась в ледяное, неопровержимое осознание: это не просто видение. Это я. Мой сон стал причиной смерти Тома.

Я чувствовал это кожей. Раньше я был лишь бесплотным призраком, сторонним наблюдателем за чужой трагедией. Я видел, но не ощущал. Теперь всё изменилось. В том кошмаре я не просто смотрел со стороны. Я чувствовал тяжесть ножа в руке. Я ощущал чужую ярость, пульсирующую в висках. Я словно бы растворился в том, кто убивал. Стал частью удара. От этой мысли желудок свело судорогой. Мне стало по-настоящему жутко. Я сидел на скомканных простынях, глядя на телефон, лежащий рядом, и окончательно понял: это реально. Не видение. Не бред. Реальность. И вместе с этим пониманием родилось ледяное, единственно верное решение: не спать. Как можно дольше. Теперь мои сны несли угрозу тем, кто был мне дорог. Каждое закрытие глаз могло стать приговором.

Я вскочил с кровати, на ходу натягивая джинсы, дрожащими пальцами застёгивая куртку. Выбежал на улицу. Холодный воздух хлестнул по лицу, но не отрезвил — только подстегнул панику. В магазине через дорогу я схватил три коробки энергетиков. Ровно столько, сколько смог унести, прижимая тяжёлый картон к груди. Потом — аптека. Таблетки с кофеином. Пачку за пачкой. Фармацевт что-то спрашивала, но я уже не слышал. Я только бежал. Бежал от темноты, которая теперь ждала меня не в снах, а внутри.

Дни перетекали в ночи, ночи — в дни. Я глотал кофеин конскими дозами, пока сердце не начало колотиться где-то в горле, а руки — предательски дрожать. Мысли лихорадочно перескакивали с обрывка на обрывок, не находя опоры. Везде мерещился он — Шляпник. Его голос, его тень, его обещание... Я с рычанием бил кулаками по коленям, вновь и вновь прокручивая в голове его последние слова перед тем, как он растворился в воздухе. Неужели я собственноручно подписал приговор? В своём отчаянном стремлении дистанцироваться от этих видений я не понял главного: я и так всегда был в стороне, просто бесплотным наблюдателем. А теперь... Теперь я сам распахнул дверь. Впустил это зло в свою жизнь. Позволил ему стать частью меня.

Шли четвёртые сутки без сна. Я бродил по квартире, словно тень. Руки дрожали, в ушах стоял непрерывный гул. Я едва держался на ногах — так долго не спать мне ещё никогда не приходилось. Иногда организм сдавал, и я проваливался в короткие, обрубленные сны, но тут же вырывался из них, вскакивал и снова начинал нарезать круги по комнате, бормоча себе под нос несвязные слова. На пятые сутки ноги почти не слушались. Я рухнул в кресло, тупо глядя в экран телевизора. Картинка плясала, звук плыл... А потом, без щелчка пульта, кадр дрогнул и сменился.

Я увидел квартиру сестры. Натали. Она стояла у зеркала, глотала горсть таблеток. Потом медленно опустилась в ванну, наполненную до краёв. Откинула голову на холодный бортик. Где-то тихо, будто из другой комнаты, играла музыка. Её глаза, тяжёлые и стеклянные, постепенно закрывались. Тело безвольно сползло под воду. Голова скрылась. И я с ледяным ужасом увидел, как из её носа вырывается последний, дрожащий пузырёк воздуха. Я закричал. Рванул веки. Вскочил с кресла, опрокидывая его. Спотыкаясь, едва не падая, я вырвался из квартиры. В джинсах и футболке, посреди промозглой осени, я наверняка выглядел как безумец. Но мне было плевать. Я поймал такси, выкрикнув адрес сестры сквозь сжатые зубы. Лестница показалась бесконечной. На ватных, не слушающихся ногах я вбежал на третий этаж, пронёсся по

коридору и начал колотить в её дверь кулаками. Из-за двери доносилась лишь тихая, приглушённая музыка. И тишина. Я орал, рыдал, пытаюсь высадить дверь плечом. Пока на шум не вышли соседи. Пока кто-то не вызвал полицию.

Копы примчались минут через пять. Я пытался объяснить им всё сразу, сбиваясь, захлёбываясь словами, умолял вскрыть дверь немедленно. Когда замок наконец поддался, я первым влетел в квартиру. Промчался в ванную. Схватил её за плечи, тряс, пытался растормошить. Но было поздно. Пальцы ощущали только неестественный холод и свинцовую тяжесть мёртвого тела. Дальше всё поплыло, превратилось в вязкий, немой туман. Я кричал, молил её открыть глаза, прижимал к себе. Копы переговаривались по рации, вызывали скорую. А я просто сидел на мокром кафеле, баюкая на руках тело своей сестры. Единственного человека, которому я когда-либо доверял.

Дальнейшее помню лишь обрывками. Морг. Бледные лица родителей. Их слёзы. Вопросы, повисавшие в воздухе, на которые у меня не было ответов. Мне казалось, стоит мне моргнуть — и пространство вокруг меня дёргается, словно плёнка в старом проекторе. Закрыл глаза в морге — открыл уже у себя в квартире. Сомнений больше не осталось. Мои сны убивают тех, кого я люблю. Держаться дальше я не мог. Организм сдал. Сознание плыло, и я уже не контролировал ни тело, ни мысли. Тогда воспалённый бессонницей мозг, словно сжалившись, подкинул единственное верное решение. Оно раз и навсегда закроет вопрос со снами.

Шатаясь, я добрёл до встроенного шкафа. С дребезгом сбросил коробки с верхней полки. В одной из них, под слоем старой одежды, лежал он. Небольшой револьвер. Пальцы сомкнулись на холодной стали. Ощутили знакомую, роковую тяжесть. Щелчок — барабан откинулся. Я вложил в ячейку единственный патрон. Сомнений не было. Страха — тоже. Только ледяная, абсолютная решимость прекратить это. В квартире раздался звук выстрела.

5. ЗАМОК КРОНВАЛЬ

С лордом Томасом Кронвалем, хозяином одноимённого замка, я знаком давно. Но до сего дня я не знал тайны, скрываемой в стенах его родового гнезда. Расскажу всё по порядку.

Томасу было чуть за сорок, седеющие бакенбарды, сухощавая фигура. Вместе со старшим братом он делил наследство: замок на окраине Лондона и состояние, накопленное поколениями Кронвалей. Но мой рассказ касается только замка и того, что жило в его подвалах.

В один прекрасный осенний день мне пришла записка от Томаса с приглашением погостить несколько дней. Я, естественно, согласился. Несмотря на многолетнюю дружбу, виделись мы редко: то я уезжал на раскопки в очередную дыру, роясь в земле в поисках осколков древности, то лорд летел в Новый Свет проверять дела на своих заводах в Штатах. Встречались раз в год, а то и реже.

Когда моя машина въехала на территорию поместья, меня вышел встречать сам лорд. Рядом шёл дворецкий Спенсер.

— Рад приветствовать тебя, Роджер, — торжественно произнёс Томас, когда я вылез из автомобиля.

— Я не меньше рад видеть тебя, Том, — ответил я, стараясь не улыбаться.

Он протянул руку. Его ухоженная ладонь утонула в моей мозолистой. Несмотря на аристократическую выдержку, Томас был невысок и худощав, что, впрочем, не лишало его обаяния. Я же был на голову выше и килограммов на тридцать тяжелее.

— Долго ж я тебя не видел, — проговорил лорд уже без церемоний, но с несмываемым налётом происхождения в голосе. — В какой глуши ты прятался на этот раз?

— На раскопках в Мексике, — ответил я, поднимаясь следом за ним по ступеням высокого крыльца.

— И как, много древностей нашёл? — спросил Томас, обернувшись.

— Ты ведь знаешь, археология переживает не лучшие времена. Большинство гробниц и городов уже разграблены моими коллегами. Правда, работают они не на Британский музей, а на частные коллекции.

— Прискорбно, — посетовал лорд. — Но что мы стоим на пороге? Давай войдём.

Холл замка Кронваль всякий раз вызывал у меня лёгкую агорафобию от немислимых размеров. Казалось, потолок уходит в небо, а эхо шагов отражается от стен, как в соборе.

— Роджер, ты голоден? — спросил Томас в гостиной.

— Нет, я только недавно пообедал.

— Что ж. — Он заложил руки за спину и кивнул. — Тогда предлагаю отдохнуть с дороги. Перелёт наверняка вымотал.

— Я кивнул. Действительно, в самолёте я почти не спал.

— Совершенно верно! Мне нужно поспать пару часов.

Лорд понимающе кивнул и махнул слуге.

— Отдыхай, Роджер. Спенсер проведёт тебя. Там уже всё готово.

Спал я до самого ужина. Разбудил меня дворецкий, сообщив, что лорд ждёт в столовой. Я быстро переоделся и спустился.

Томас уже сидел за столом. Меня ожидал луковый суп, мясо в остром соусе, на десерт — овсяный пудинг.

После ужина мы перешли в гостиную. Горел камин, перед ним стояли два глубоких кресла.

— Хотел спросить, Роджер, — начал Томас, когда мы потягивали вино из его погребов, — где та девушка, с которой ты знакомил меня в прошлый приезд? Как бишь её звали?..

— Кейт, — подсказал я.

— Верно. — Он раскурил сигару, от своей я отказался. — И как у вас?
Я махнул рукой.

— Бросила меня, как только мы приехали в Канкун.

Томас молча затянулся, потом изрёк:

— Да, друг мой, женщины непостоянны. Вот я ни разу не был женат и, знаешь, счастлив.

— Завидую, — усмехнулся я. — Я был женат дважды. Оба раза жёны уходили.

Я решил сменить тему:

— Томас, а где же твой старший брат Артур?

Лицо лорда дрогнуло. Пепел сигары упал на ковёр.

— Артур погиб в результате несчастного случая, — тихо ответил он. — Упал с лошади.

Сломал шею.

Для меня это было новостью.

— Извини, Том, я не знал. Прими мои соболезнования. Когда это случилось?

— Полгода назад. — Он помолчал. — Но давай не будем о грустном.

— Не будем. — Я выдержал паузу. — Томас, я слышал, в твоём замке хранится какая-то тайна. Это правда?

Он слегка вздрогнул, но быстро расслабился и засмеялся.

— Роджер, ты что же, веришь всем бредням, которые про меня рассказывают? Но чтобы развеять подозрения, я приглашаю тебя в кабинет. Покажу тайну, о которой не знает даже прислуга.

Мы прошли в его кабинет. Томас проделал несколько манипуляций с портретом отца, и большая часть стены бесшумно отъехала в сторону, открывая тайник.

За ней скрывались десятки, нет — сотни книг. От огромных фолиантов до карманных молитвенников. Редчайшие экземпляры разных веков: травники, энциклопедии, толстые гримуары, обтянутые телячьей, а то и человеческой кожей, с формулами и знаниями поколений алхимиков.

У меня глаза на лоб полезли. Некоторые книги я считал утраченными навсегда. Например, «Ключ Соломона» — легендарный трактат, который, по преданию, способен открыть врата преисподней.

— Откуда всё это?! — воскликнул я.

На лице Томаса читалось торжество.

— Эти книги начал собирать ещё мой прадед. Отец продолжил. Много лет они считались утерянными. Дед спрятал их, боясь кражи. Перед смертью открыл тайну отцу, тот не только сохранил коллекцию, но и пополнил её, оставив местонахождение в секрете. Мне отец рассказал о ней, когда мне было двадцать. Брат до последних дней не знал — отец боялся, что Артур продаст книги. Сейчас я единственный, кто знает об этом хранилище. Кроме тебя. Но ведь ты не расскажешь никому, Роджер? Верно?

Он пристально смотрел мне в глаза. Я не выдержал и кивнул.

— Конечно, я буду молчать, Том. — Я осторожно провёл пальцами по корешкам. — Но ведь это достояние мировой культуры! Такой пласт истории, что я даже не берусь его оценивать.

Томас тревожно посмотрел на меня и положил руку на плечо.

— Роджер, эти книги принадлежат моей семье полторы сотни лет. Я не собираюсь их отдавать. И ты не должен о них говорить. Мы ведь друзья?

В его глазах была мольба. Я понял: книги для него — всё.

— Конечно, мы друзья, Томас. — Я пожал его руку. — Ни одна живая душа не узнает о них от меня.

— Благодарю. — Он выпрямился, возвращая сдержанность. — Я не сомневался. А теперь давай уйдём. Не стоит тревожить покой. Они слишком ценны.

Стена вернулась на место. Остаток вечера мы коротали за криббиджем.

На следующее утро к Томасу приехали гости из Лондона. Спенсер сообщил, что лорд занят неотложными делами и не сможет составить мне компанию. Я поблагодарил дворецкого и решил осмотреть замок. Хотелось понять, как изменилось родовое гнездо Кронвалей за годы.

Побродив по коридорам, я убедился: обстановка и стены обветшали. Сказывались четыре века истории.

Постепенно я спустился в подвал. Он был своего рода достопримечательностью: столь обширный, что обойти его за день не представлялось возможным. Я называл его не иначе как катакомбами.

Большая часть затоплена грунтовыми водами (замок стоял на болоте) или перегорожена решётками. Более-менее обжитой была западная часть: винный погреб, кладовая, подсобки.

Я шёл по гулким, влажным коридорам, держа над головой фонарь. Света хватало, чтобы видеть камни под ногами и шныряющих крыс, но не дальше десяти шагов.

Кружа и пробираясь через завалы, я чудом вышел в северную часть. Воды было по шиколотку, крыс меньше. Воздух пах смолой и тленом, словно где-то рядом разлагалось тело. Чем дальше я забирался, тем удушливее становился запах мертвечины.

Кроме моих шагов и писка грызунов, слышалось бульканье воды и скрежет оседающей кладки. Стены местами покосились, кое-где осыпались — плохой знак.

И тут моё внимание привлек странный звук из-за поворота. Я остановился, затаил дыхание. Звук напоминал стон. Но этого не могло быть! В этих подвалах не было людей, возможно, двести лет. Я здесь единственное живое существо, кроме крыс!

Прислушался. Звук не повторился. «Эх, — подумал я. — Чего только не почудится в подземельях».

Уже собрался развернуться, но стон повторился. Теперь я не сомневался: кто-то стонал за поворотом, шагах в тридцати.

Я пошёл на звук и обнаружил запертую на всякий замок дверь. Петли и замок были недавно смазаны. Я заинтересовался. Приложив ухо к дереву, прислушался. За дверью отчётливо слышались возня и тихие стоны. Запах разложения здесь бил в нос.

Поставив фонарь на кучу камней, я выбрал булыжник покрупнее. Двумя ударами сбил замок.

Открыв дверь и посветив. Первое, что я увидел, — куча крысиных трупов. Полу объеденных, сильно разложившихся. Желудок скрутило.

Шагнув дальше, я потерял дар речи.

У стены сидел прикованный цепью человек. В руках он сжимал крысиный труп.

Я попятился, ударился спиной о косяк.

Присмотревшись к заросшему, одетому в лохмотья лицу — с трудом подавил крик. Это был брат Томаса. Артур. «Умерший» от падения с лошади.

Я сделал шаг вперёд. Фонарь затрясся в руке.

— Артур? — голос прозвучал хрипло, неузнаваемо. — Вы... живы?

Человек медленно поднял голову. Глаза мутные, запавшие, но в них теплился разум. Волосы и борода спутались в колтуны, лицо покрыто грязью и язвами. От него пахло смертью и безумием.

— Том... — прошептал пересохшими губами. — Брат... мой...

— Я Роджер, — я опустился на колени, стараясь не смотреть на труп в его руках. — Друг Томаса. Артур, что... что с вами случилось?

Он рассмеялся — сухо, как шелест крысиных лап по камню.

— Брат... да. Наследник... да. Мёртвый... — закашлялся, звук похож на треск ломающихся костей. — По его словам... мёртвый... полгода уже...

— Полгода? — почувствовал, как холодею. — Вы хотите сказать... Томас держит вас здесь?

Артур кивнул. Цепи звякнули.

— Книги... — прошептал он. — Он любит книги... больше, чем жизнь... больше, чем брата... Я хотел... отдать их музею... сделать достоянием...

а он... сказал... что я безумен... что нужно лечение... привёл сюда... заковал... и ушёл...

Он замолчал, глядя на крысиный труп в руках.

— Я ел крыс... пил воду..., сочившуюся из стен... а он... приходил... иногда... приносил еду... и читал... мне... из своих книг... смеялся... говорил... что теперь я часть коллекции... часть истории...

В его глазах не было ужаса. Смирение. Принятие.

— Уходите... — прошептал вдруг. — Пока не поздно... он... вернётся... он всегда возвращается... проверить... свою коллекцию...

Я вскочил. Сердце колотилось.

— Я помогу вам, — схватился за цепи, но они были слишком толстыми.

— Поздно... — Артур закрыл глаза. — Шесть месяцев... я уже мёртв... просто ещё не знаю об этом... Уходите... ради бога... уходите...

И тут я всё понял. Томас не просто заточил брата, выдав исчезновение за несчастный случай. Он получил всё: наследство, замок, свободу. И книги.

Артур был не узником. Он был экспонатом. Живым доказательством того, на что готов пойти человек ради обладания знанием.

Я услышал шаги. Тяжёлые, размеренные. На лестнице.

— Роджер? — голос Томаса эхом отразился от сырых стен. — Роджер, ты здесь?

Я замер. Артур открыл глаза. В его взгляде была не мольба. Предупреждение.

— Я здесь, Том! — крикнул я, сдерживая дрожь. — Заблудился в этих коридорах!

— Иди сюда, я проведу! — Томас был уже близко. — Не стоит ходить одному. Здесь опасно.

Я посмотрел на Артура в последний раз. Он отвернулся, прижимая к груди крысиный труп. Плечи дрожали.

Я вышел, захлопнул дверь как раз тогда, когда Томас появился из-за поворота с фонарём.

— Нашёл что-то интересное? — спросил он. В глазах мелькнуло что-то, от чего по спине пробежал холодок.

— Только крыс и паутину, — ответил я ровно. — Этот подвал — лабиринт.

— Я же предупреждал. — Томас улыбнулся, но улыбка не коснулась глаз. — Идём, я выведу.

Мы шли молча. Я чувствовал его взгляд на спине. И понимал: он знает. Он всегда знал, что я найду Артура. И позволил мне это.

Потому что мёртвые не рассказывают секретов.

А я.. я связан словом. Я обещал молчать о книгах.

И теперь я связан вдвойне.

Я бежал, не оглядываясь, пока не добрался до машины. Руки дрожали, когда я поворачивал ключ в зажигании. В зеркале заднего вида замок Кронваль казался чёрным пятном на фоне осеннего неба.

Доехал до города, остановился у телефонной будки. Рука сама потянулась к трубке, чтобы набрать полицию.

Но я замер.

Что я скажу? Что лорд Кронваль держит в подвале брата? Что тот питается крысами? Что у меня нет доказательств, кроме слова?

И книги... сотни редчайших томов, которые конфискуют, развезут по музеям, изучат, опишут... и забудут.

Томас прав: эти книги — его жизнь. Наследие. Одержимость.

А Артур... Артур мёртв. Полгода назад. Когда Томас понял, что брат хочет отдать книги миру.

Я медленно положил трубку на рычаг.

Вернувшись домой, сразу сжёг записку Томаса с приглашением. Потом сел писать письмо.

«Дорогой Томас, благодарю за гостеприимство. Твоя коллекция действительно уникальна. Обещаю: ни одна живая душа не узнает о ней от меня. Как и о том, что я видел в подвале. Мы ведь друзья, не так ли?»

Я отправил письмо и больше никогда не возвращался в замок Кронваль.

Иногда мне снятся его глаза. Не Томаса — Артура. Мутные, запавшие, но с искоркой разума. И он шепчет: «Ты предал... ты предал...»

Но я молчу.

Потому что знаю: за знаниями иногда скрывается цена, которую невозможно заплатить.

А за молчанием — тайна, которая убивает медленнее, чем крысы в подвале.

И я.. я выбрал молчание.

6. ЖРЕЦ

Я боюсь об этом вспоминать, но молчание причиняет мне еще большие страдания. Вот уже пять лет я живу со страхом в душе. Я жду, что он меня найдет. Чтобы этого не случилось, я мотаюсь по миру, не задерживаясь нигде надолго. Может, я свихнулся и у меня паранойя, но я стал панически бояться одиночества и темноты.

Я превратился в «человека толпы», как у Эдгара По. Я так же, как тот старик, с утра до ночи следую за людским потоком. Мне кажется, что если я останусь один хотя бы на несколько часов, то он явится и убьет меня. Так же, как это уже не раз происходило в моих кошмарных снах на протяжении этих лет. Долгих, сводящих с ума лет, в течение которых я не знаю покоя.

Иногда мне кажется, что я вижу его среди людского потока, спешащего по своим делам. Он стоит посреди этой пестрой человеческой реки и смотрит на меня глазами мертвеца. Я даже вижу, как черви пожирают его гнилую плоть, как шевелятся личинки в пустых глазницах.

Нет! Это слишком ужасно, чтобы быть правдой! Никто не смотрит на меня из толпы, никто мной не интересуется. Я — лишь частица этого гигантского «организма». Я убеждаю себя в этом, твержу каждый день, с утра до вечера. Когда бреюсь и чищу зубы, когда завтракаю и готовлюсь ко сну.

Его нет! Он мертв, мертв уже пять лет. А всё происходящее — лишь плод моего больного, воспаленного рассудка!

Нужно сделать укол... Вот так! Так намного лучше. Морфин притупляет страх, замедляет бешеный стук сердца, заставляя кровь бежать тише.

Я должен рассказать всё по порядку. Шаг за шагом. Все эти пять лет ада. Итак, начну.

Это произошло в 1993 году в Новом Орлеане. Я приехал в Луизиану, спасаясь от холода и смога Чикаго. Город вечного праздника и джаза встретил меня шумом и веселой суетой. Был канун Марди Гра. Город наводнили разодетые люди, музыка лилась из всех окон, лихорадка Праздника охватила улицы.

Я попивал коктейли, флиртовал с симпатичными креолками, слушал уличных музыкантов. Я полностью погрузился в ритм жизни города, спал до вечера и выходил из номера только с наступлением сумерек. Но это была лишь одна сторона медали. Я чувствовал праздничную завесу, за которой скрывались мрачные и первобытные тайны. Эта сторона медали, зовущаяся «Новый Орлеан», не предназначена для туристов: это мрачные суеверия и кровавые ритуалы аборигенов, всё ещё бытующие в наше время и скрывающиеся в глубине болот Луизианы. Думаю, никто из белых людей не подходил, к этому ужасу, так близко, как подошел я.

Говорить о таинственной атмосфере, царящей в Новом Орлеане, нет смысла — это неотъемлемая его часть. Укажи на любой дом в исторической части города, и тебе тут же поведают историю об обитающем в нем призраке девушки, покончившей с собой из-за несчастной любви. Правда, я за время своего пребывания не увидел ни одного привидения, кроме разве что парня похожего на Элвиса.

Совсем другое дело — культ вуду. Скажу честно, еще в Чикаго я посмеивался над этими выдумками, сидя с друзьями в спорт-баре и потягивая холодное пиво. Тогда, на Севере, мне это действительно казалось смешным. Будучи закоренелым атеистом, я рассматривал колдунов вуду как шарлатанов, наряженных в лохмотья и дурачащих доверчивых туристов. Но как оказалось, я ошибался...

От этих воспоминаний страх, заглушенный морфином, начинает снова накатывать с новой силой. Я приближаюсь к самым ужасным событиям, в которых сыграл главную роль. Морфиновый рай начинает трещать по швам, и щупальца бессознательного, животного ужаса пытаются прикоснуться к моей душе.

У меня снова дрожат руки, строчки выходят кривые, словно лезвия ножей тех ужасных колдунов.

Господи! Страх снова овладел мной! Нужно еще раз уколоться. Морфин всё медленнее на меня действует, а дозу с каждым разом приходится увеличивать. Раньше наркотик дарил мне покой мгновенно, теперь проходят долгие минуты, прежде чем я расслабляюсь. Скоро мои запасы совсем истощатся, денег на их пополнение у меня тоже нет. Я не знаю, что буду делать дальше.

Здесь, в Мексике, я живу уже год. Я чувю, что скоро он выйдет на мой след. Мне нужно уезжать... Да! Я должен уехать, или он убьет меня. Он уже близко. Я сегодня видел его на улице, когда выходил за газетой!

Нужно собрать чемодан. Так, рубашки, несколько смен белья... Я бросаюсь к комоду и лихорадочно вытаскиваю ящики, они с грохотом падают мне под ноги, вещи рассыпаются по полу. Я без разбору пихаю их в сумку. Нужно взять запасы морфина! Он лежит в коробке из-под обуви в шкафу — десяток пузырьков с комковатым бело-серым порошком. На это ушли почти все мои деньги, которые мне удалось скопить. Этот порошок — единственное, что еще держит меня на плаву. Я переложил пузырьки в чемодан. Теперь можно уходить.

А, я чуть не забыл револьвер. Я купил его позавчера у мальчишки на рынке. Сам не знаю зачем он мне, ведь нельзя же убить того, кто и так уже мертв!

Да что же со мной происходит?! Нужно сесть и успокоиться. Прекратить бегать по номеру, словно буйнопомешанный. За окном уже ночь, в любом случае мне придется дожидаться утра, чтобы бежать.

На чем я там остановился? Сейчас перелистаю свои записи. Ага, я собрался поехать на болота.

Никогда не забуду тот день, когда я решил посмотреть на знаменитые болота Луизианы. Мне много рассказывали о тамошних красотах, и я захотел увидеть всё своими глазами. Я арендовал белый потрепанный «Ленд Ровер» и поехал к дельте. Мой внедорожник уверенно вгрызлся всеми четырьмя колесами в раскисшую, после недавнего дождя грунтовку. Через два часа настоящего ралли я оказался в маленькой рыбацкой деревушке.

Аборигены, удивленные моим появлением, окружили меня и о чем-то спрашивали на своем ужасном диалекте. То ли на кадунском, то ли на патуга — я с огромным трудом их понимал. Кое-как мне удалось расспросить, что это за место и смогу ли я тут переночевать. Дорога заняла у меня значительно больше времени, чем я рассчитывал, и я уже не успел бы вернуться в гостиницу до темноты. Местные приняли меня со всем возможным гостеприимством, отвели в пустующую хижину на краю деревни. Это был не номер отеля, но терпимо. Главное, чтобы ночью к тебе в постель не заползла змея.

Было уже за полдень, когда я решил прогуляться вдоль реки. Я вышел из хижины и стал спускаться по крутой тропинке, ведущей к топкому берегу. Земля под ногами пружинила, я словно шел по огромной перине. Что и говорить, Миссисипи — великая река. Я видел ее так близко впервые в жизни, и она превзошла все мои ожидания! Берега её утопали в изобилии фантастической зелени. Восхищенно вертя головой, я шел вверх по течению. И только когда начало темнеть, понял, что заблудился. Я углубился в заросли, и река исчезла из виду. Упругое колыхание почвы сменилось противным почавкиванием топи. Я забрел в болото.

Эта мысль посетила меня неожиданно, словно удар по голове. Она поразила меня и заставила замереть столбом. Только сейчас я подумал о том, что нужно было нанять кого-нибудь из местных в качестве проводника. Перспектива провести ночь в компании аллигаторов и ядовитых змей пугала меня, но еще страшнее было угодить в темноте в трясину и сгинуть среди этого зеленого безмолвия. У меня с собой нашлась коробка спичек, фляга с ромом и охотничий нож. Этого должно хватить, чтобы продержаться до утра, размышлял я тогда.

Вспоминая те события, я начинаю покрываться холодным потом, несмотря на то что в номере духота из-за неработающего кондиционера. Я собрал ветки для костра, чтобы отпугнуть потенциальных хищников. Огонь весело потрескивал, искры взлетали вверх, пламя отбрасывало пляшущие тени. Я потягивал ром из фляги и старался не заснуть. Уже на грани сна и яви, я услышал отдаленный барабанный бой и гортанное пение. Я сначала подумал, что мне это показалось. Но нет, будь оно проклято, бой и пение были реальны. Положив флягу на траву, я пошел узнать, в чем дело. Чем ближе я подходил, тем отчетливее становился ритм. Он отдавал чем-то диким и первобытным, устрашающее пение вселяло в мою душу животный страх. Но я упорно приближался, надеясь провести ночь среди людей, а не болотных тварей.

Сквозь кусты я увидел костер и людей вокруг него. На них были странные одежды, казавшиеся коричневыми в свете пламени. Они пели и танцевали, и от их движений у меня в груди нарастал ледяной комок. В стороне от костра я увидел врытый в землю столб. К нему была привязана девушка. Она отчаянно пыталась вырваться из пут, веревки врезались в её тело, причиняя еще большие страдания. Я замер в кустах и старался не дышать. Волосы на затылке шевелились от предчувствия чего-то ужасного. Я понял, что попал на тайную встречу черных колдунов вуду. За неделю пребывания в Новом Орлеане я наслушался о них столько, что сейчас готов был умереть от страха, встретившись с ними лицом к лицу. Это было жертвоприношение какому-то из кровожадных богов-лоа. Еще ни один белый человек не присутствовал на мистериях *Secte Rouge* — так здесь называли темное ответвление культа.

Парализованный страхом, я наблюдал из кустов, как колдуны закончили свои танцы и обступили девушку. Бой невидимого мне барабана стал тревожнее и громче, ритм диссонировал и сводил с ума. За спинами колдунов не было видно происходящего, но судя по душевизирующему воплю и тому, как он резко оборвался, жертвоприношение состоялось. Колдуны вернулись к костру и затянули свои песнопения, открыв моему взору ужасное зрелище: на обнаженной груди девушки зияла огромная кровавая рана. Её разорванные белые одежды были залиты кровью, голова свесилась на грудь, черные распущенные волосы скрыли лицо. Я вцепился зубами в кисть руки, чтобы не заорать от ужаса.

Колдуны расселись у костра и хлопали в ладоши, вторя ритму барабана. Лишь один из них остался стоять. Его руки были воздеты к полной луне. В одной руке матово поблескивал окровавленный нож, а в другой он сжимал окровавленный комок — сердце девушки! И тут меня начало тошнить. Колдуны резко поднялись со своих мест и бросились к кустам. Меня била нервная дрожь, ужас сковывал конечности. Шесть пар рук схватили меня и потащили к костру. Я даже не мог сопротивляться. Удар по ногам опрокинул меня на колени у ног главного колдуна, который по-прежнему держал в руках нож и сердце жертвы. Он пристально изучал меня своими глубоко сидящими, тускло поблескивающими глазами мертвеца. Я осмелился посмотреть на него. Он был худ, жилист, одежда цвета запекшейся крови болталась на его плечах, словно мешок. Его острый, немигающий, как у змеи, взгляд заставил меня содрогнуться.

Колдун изучал меня несколько мгновений. Мне они показались часами. Отведя взгляд, жрец что-то произнес на незнакомом мне языке, и двое из державших меня бросились исполнять приказ. Они перерезали веревки, удерживающие тело девушки у столба, и оттащили труп в болото, где за него сразу же принялись аллигаторы. Я понял, что мне предстояло занять место девушки у столба. Я дернулся, но руки цепко держали меня. Мысль, что мне сейчас вырежут сердце и бросят на съедение аллигаторам, огненным жалом впиалась в мою мозг...

Господи! Я вскочил со стула и бросился к буфету, где стояла початая бутылка текилы. Распахнув дверцы, я стал сбрасывать на пол жестяные банки из-под растворимого кофе, они с грохотом падали и раскатывались по всей комнате. Найдя бутылку, я свинтил пробку и приложился к горлышку долгим глотком. Текила обожгла горло и раскаленным потоком понеслась по пищеводу в желудок. Сделав еще несколько больших глотков, я унял дрожь в руках и смог сесть за стол. Спиртное согрело изнутри и успокоило не хуже морфина.

Как же тяжело переживать те события заново, даже в воспоминаниях. Как будто я снова там, на болотах, а окровавленный нож вот-вот вонзится в мою грудь. Но теперь я могу продолжить. Меня подтащили к столбу, но я не хотел умирать! Я кричал об этом, но никто не хотел меня слушать. Безжалостные, словно выкованные из железа руки, впивались в плоть и причиняли боль. Боль вернула мне контроль над собой, я стал вырываться. Животный ужас и желание выжить любой ценой предали мне сил. Я рывком стряхнул облепившие меня руки, бил внезапно оказавшимся у меня в руках ножом направо и налево, не глядя, куда придутся мои удары. Я рвал зубами и ногтями попадающиеся мне глотки колдунов. Во рту был привкус крови, а в голове пульсировала только одна мысль: «ВЫЖИТЬ!».

Ножи колдунов оставили на моем теле несколько порезов, но я их не чувствовал. Древний инстинкт самосохранения в одночасье превратил цивилизованного человека в рычащего, обезумевшего от вкуса крови зверя. Я с ревом и воем бросался на своих врагов, вселяя в них ужас. Главный колдун хладнокровно взирал на учиненную мной бойню, его мертвые глаза оставались по-рептильи холодными. А я тем временем расправился с последним колдуном. В крови с ног до головы, с диким взглядом, я, наверное, выглядел жутко. Я обвел взглядом место побоища и ужаснулся. Неужели все это сделал я? Ведь в своей жизни я ни разу не причинил никому вреда!

А жрец продолжал сверлить меня пристальным взглядом. Сердце девушки по-прежнему было у него в руке. Подняв её, жрец слизал кровь с пальцев. Меня передернуло. Усмехнувшись, колдун произнес: — Мы с тобой еще встретимся, белый оборотень. Я вырву твое сердце. С этими словами он вонзил нож себе в горло. Кровь струей ударила из раны и попала мне в лицо. Тело мертвого колдуна упало к моим ногам. Я смотрел на него, и тут ярость отпустила меня. Я упал на колени подле жреца, и ужас, охвативший меня, стал выходить в виде истеричного смеха. Не прекращая хохотать, как безумец, я стал вонзать нож в тело уже мертвого жреца. Я хохотал и хохотал, пока смех не сменился плачем. Я упал в грязь и рыдал, потом пришла тьма.

Не знаю, сколько я пролежал, но, когда я пришел в себя, во всю светило солнце. Я сел и огляделся. Вокруг была кровь, валялись тела убитых мною колдунов. К моему паническому ужасу, тела главного жреца не было среди них. Он словно бы встал и ушел. Я с отчетливой ясностью вспомнил его слова перед актом самоубийства, и мне стало жутко. Поднявшись на ноги, я бросился бежать от этого проклятого места. Я бежал, сам не видя куда. Я много раз падал, вставал и снова бежал, лишь бы вырваться из этого затянувшегося ночного кошмара. Почти неделю я блуждал по болотам, пока наконец, полумертвый от жажды и голода, от потери крови и пережитого шока, я не увидел деревню, в которой остановился перед теми трагическими событиями. Я не смог дойти до деревни всего сто шагов и упал в изнеможении в высоких зарослях кустарника.

В себя я пришел лежа в хижине. Как выяснилось, меня нашел один паренек, шедший на рыбалку. К этому времени я уже был в полушаге от смерти. Местный знахарь, из светлой ветви вуду, выхаживал меня травами и заговорами целую неделю. Всё это время мертвый колдун являлся мне в видениях. Он с хохотом вырывал моё сердце и пожирал его. Знахарь сказал мне, что я накликал на себя страшную беду, и мертвый жрец будет преследовать меня всю мою оставшуюся жизнь. Моё возвращение в гостиницу вызвало переполох. Хозяин уже заявил в полицию об исчезновении постояльца. Мне пришлось целых два часа объяснять, где я пропал в течение трех недель. Я рассказал, что на болотах на меня напали аллигаторы, и я едва спасся от них, а жители рыбацкой деревни выходили меня, за что им большая благодарность. На вопрос, требуется ли мне медицинская помощь, я ответил, что нет. Подписав еще несколько бумаг, я наконец покинул полицейский участок. Я намеренно не стал говорить полиции истинные причины своего отсутствия. Мне было страшно — все-таки я убил семь человек, и списать это на самооборону у меня бы не получилось. Тела были в ужасном состоянии.

Из полиции я сразу же отправился в гостиницу, где, забрав свои вещи и расплатившись по счету, поехал напрямик в аэропорт. Домой я возвращаться не собирался. На моем банков-

ском счете была приличная сумма. Купив билет до Германии, я отправился в Гамбург. Уже через два часа я летел над Атлантикой, прочь от пережитого ужаса. Уже в Гамбурге, в аэропорту, я обнаружил, что ночь в болотах отразилась не только на моем душевном состоянии, но и на физическом облике. Мои волосы из каштановых в один момент превратились в седые. Глаза утратили свой блеск и стали похожи на остекленевшие глаза мертвеца... В Гамбурге я устроился санитаром в психбольницу, снял квартиру. Мне удалось поменять свои документы. Я хотел замести следы, сам даже не знаю для чего, ведь жрец мертв. Я видел это собственными глазами. А тело... тело могли утащить аллигаторы. Но я упрямо и целенаправленно менял свою личность.

Санитаром я проработал около двух лет, неплохо изучил немецкий. Всё было спокойно. Иногда я захаживал на Риппербан, где снимал проститутку на ночь (уже тогда я боялся оставаться один), ходил в бары, слушал музыку и потихоньку начал забывать о случившемся. Мне это почти удалось. Но весной 95-го, когда я гулял в порту, я увидел его! Жрец стоял среди докеров и, усмехаясь, сжимал в руке еще бьющееся сердце. Моё сердце! Я заорал и посмотрел на свою грудь — на месте сердца зияла кровавая дыра. Люди вокруг смотрели на меня как на безумца, жреца никто из них не видел. Я потерял сознание и очнулся только в больнице. Врачи долго смотрели меня. Я побоялся, что меня примут за сумасшедшего и упекут в психушку, потому сказал, что у меня прихватило сердце. Вечером меня отпустили домой, не обнаружив никаких патологий. Мне даже стало казаться, что появление жреца было всего лишь галлюцинацией. Но он развеял мои надежды, явившись мне через две ночи во сне. Он снова вырвал моё сердце и сожрал его, заливая себя моей кровью.

Утром я пошел к одному человеку, который помог мне за определенную плату раздобыть морфин. С того дня я начал колоться. Подобно Шерлоку Холмсу, я находил успокоение в наркотике. Он дал мне надежду на спокойное существование. Морфин замедлял мой пульс, заглушая тот далекий, но настойчивый барабанный бой, который я слышал в тишине. Однако жрец не собирался со мной расставаться. Я, собрав вещи, купил билет до Швеции. Та же самая история повторилась и там: год спокойствия и кошмары. С тех пор я побывал практически во всех европейских странах, и везде проклятый колдун преследовал меня. Наркотик затягивал меня всё глубже и глубже, без дозы я уже не мог прожить и нескольких часов. Так что, если меня не достанет жрец, меня убьет наркотик. Но лучше так. Даже сейчас, когда я пишу эти строки, я чувствую приближение ломки, но морфин не дает жрецу свести меня с ума и добраться до моего сердца. Оно ему не достанется! Я убегаю от него уже пять лет. Не знаю, на сколько меня еще хватит, но я буду бороться до последнего! Это моя жизнь и моё сердце, и никакой мертвый колдун его не получит!

Что это? Дописав последние строчки своего повествования, я вдруг услышал отдаленный бой барабанов и гортанное пение. Неужели он здесь? Неужели он все-таки до меня добрался? Что ж, я не стану бежать. Хватит! Столько лет я бегаю от него, как мышь от кота. Я устал. Я уже слишком запуган и изможден, чтобы куда-то бежать. Один укол — и я смогу встретиться с ним лицом к лицу. Стальное жало шприца вошло в вену, и волшебное зелье смешалось с кровью. Ну вот, теперь я готов! Давай! Иди сюда! Мы поговорим с тобой по душам! Хочешь мое сердце? Так иди и попробуй его взять! Ублюдок! Я готов его встретить, как мужчина — с револьвером в руке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.